

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-149-159

Обзор конференции

Conference summary

Размышления о Платонове
Обзор XVI конференции Института философии РАН
«Проблемы российского самосознания:
“народ жить может, но ему нельзя”.
К 120-летию со дня рождения Андрея Платонова»
Москва, 24 сентября 2019 г.

Е.П. Аристова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

24 сентября 2019 г. в Институте философии РАН прошла XVI конференция Института философии РАН с регионами России при участии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института мировой литературы имени М. Горького РАН «Проблемы российского самосознания: “народ жить может, но ему нельзя”. К 120-летию со дня рождения Андрея Платонова». Конференция проводилась в форме обсуждения монографии С.С. Неретиной, С.А. Никольского, В.Н. Поруса «Философская антропология Андрея Платонова». обстоятельные доклады авторов монографии положили начало оживленной дискуссии. С содокладами выступили диспутанты, в рассмотрение ключевых тем включились другие участники конференции. Основными темами докладов стали: соотношение философии и художественного творчества, отклик Платонова на исторический и культурный контекст эпохи, особенности языка описания воспринимаемой автором реальности, потребность в интерпретации и исследовании человеческой природы в культуре XX в. Отдельной темой обсуждения стали прорабатываемые писателем мотивы утопии, темы воплощения абстрактных идей, соотношения общей идеи и частной вещи, мотивы дегуманизации и гуманизма, литературный

Филос. науки / Russ. J. Philos. Sci. 2020. 63(5) Конференции, семинары, круглые столы
сюжет «двойничества» и отстраненного беспристрастного наблюдения и свидетельствования, экзистенциальная тема пограничных состояний, трансформирующих человека и социум.

Ключевые слова: русская литература XX в., экзистенциализм, философия творчества, философия литературы, философская антропология, дегуманизация, утопия, военный коммунизм, коллективизация.

Аристова Екатерина Павловна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

ekaterina.ftwr@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

Для цитирования: *Аристова Е.П.* Размышления о Платонове: обзор XVI конференции Института философии РАН «Проблемы российского самосознания: “народ жить может, но ему нельзя”. К 120-летию со дня рождения Андрея Платонова» // *Философские науки*. 2020. Т. 63. № 5. С. 149–159.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-149-159

Reflections on Platonov

The Summary of the RAS Institute of Philosophy's
XVI Conference

“Problems of Russian Self-Consciousness:

**‘People Can Live, but It Is Forbidden,’ Dedicated to the
120th Birth Anniversary of Andrei Platonov”**

Moscow, September 24, 2019

E.P. Aristova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

On September 24, 2019, the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences held the XVI Conference “Problems of Russian Self-Consciousness: ‘People Can Live, but It Is Forbidden,’ Dedicated to the 120th Birth Anniversary of Andrei Platonov.” The presentation of reports by the participants was built as a discussion about the book *Philosophical Anthropology of Andrei Platonov* by S.S. Neretina, S.A. Nickolsky, V.N. Porus (2019). After the reports of the book’s author, other scholars from various

Russian universities and research institutes made presentations. The main topics of the reports were: the relationship between philosophy and artistic creation, the writer's response to the historical and cultural context of his epoch, the formation of a special language for describing the reality perceived by the author, the need for interpretation and study of human nature in the culture of the 20th century. During the discussion, a special interest was paid to the motives of utopia in Platonov's work, to the themes of the realization of abstract ideas, the correlation of a general idea and a particular thing, the motives of dehumanization and humanism, the literary motive of "duality" and alienated and impartial observation and witnessing, the existential problem of borderline states that transform a person and society.

Keywords: Russian literature of the 20th century, existentialism, philosophy of art, philosophy of literature, philosophical anthropology, dehumanization, utopia, military communism, collectivization.

Ekaterina P. Aristova – Ph.D. in Philosophy, Research Fellow, Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ekaterina.ftwr@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5340-2642>

For citation: *Aristova E.P.* (2020) Reflections on Platonov: The Summary of the RAS Institute of Philosophy's XVI Conference "Problems of Russian Self-Consciousness: 'People Can Live, but It Is Forbidden,' Dedicated to the 120th Birth Anniversary of Andrei Platonov." *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 5, pp. 149–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-5-149-159

А.П. Платонова нередко называют не только писателем, но и мыслителем. В честь 120-летия со дня его рождения в Институте Философии РАН 24 сентября 2019 г. состоялась конференция, посвященная философскому компоненту его работ. Это уже XVI конференция в серии конференций «Проблемы российского самосознания», ежегодно проводимых Институтом философии совместно с коллегами из регионов России и других стран.

Общение участников конференции было построено как обсуждение недавно вышедшей книги «Философская антропология Андрея Платонова», подготовленной тремя исследователями (здесь и далее перечни имен даны в алфавитном порядке): доктором философских наук, главным научным сотрудником Института

философии РАН **С.С. Неретиной**, доктором философских наук, главным научным сотрудником Института философии РАН **С.А. Никольским**, доктором философских наук, руководителем Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» **В.Н. Порусом**. На доклад С.С. Неретиной «Мыслить Платонова: телега смерти» отозвались: кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии РАН **Е.П. Аристова**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН **Т.Б. Любимова**, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН **В.М. Розин**; вокруг доклада С.А. Никольского «Героический смысл коммунизма и героисмы в философской прозе Андрея Платонова» развернули дискуссию доктор искусствоведения, научный руководитель Национального исследовательского центра «Мир русской провинции» Ярославского государственного педагогического университета **Т.С. Злотникова**, профессор НИУ «Высшая школа экономики» **А.В. Макаркин**, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал) **Г.Л. Тульчинский**; на доклад В.Н. Поруса «Два сошествия в ад: Андрей Платонов и Варлам Шаламов» откликнулись доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН **Н.А. Касавина**, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН **Н.Н. Мурзин**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН **И.И. Мюрберг**. В ходе дискуссии выступили аспирант Московского педагогического государственного университета **А.А. Воробьев** и аспирантка Литературного института имени М. Горького **М.Г. Пересторонина**.

С.А. Никольский в своем докладе показал творчество Платонова особым типом философии – опирающимся на образы, метафоры, интуицию, а потому допускающим творческую «вольность». В работах писателя можно проследить несколько типов «целостных высказываний», вопреки литературоведческой традиции, не обязательно привязанных к конкретному тексту, сюжету или герою. Это, во-первых, прямое высказывание на основе марксистских текстов («мощное чувство целесообразности» у героя «Ювенильного моря» отражает подчинение всего мироустройства

единой цели). Во-вторых, высказывание в опосредованной форме – некоторые персонажи и образы (к примеру, крестьянин Бог, который ест землю, – персонаж «Чевенгура») могут быть буквальной, доведенной до абсурда, цитатой В.И. Ленина или И.В. Сталина, открытая критика которых была невозможна. Далее: высказывания в виде жестов героев (прохожий отходит от героев-большевиков подальше – так в «Чевенгуре» выражен их страх). И наконец, автор высказывается с помощью общего настроения произведения (например, атмосферы смерти в «Котловане»). Никольский обратил внимание на значимость для выражения платоновской мысли типов героев: обнаруживаются герои – переустроители мира, герои – искатели истины, бессознательные проводники концепта коммунизма, герои – органические части природы, герои – друзья машин, герои прочие.

Т.С. Злотникова, развивая выступление С.А. Никольского, отметила в своем докладе «Ментальные парадоксы русских вопросов: “Кому на Руси жить хорошо?” у Н. Некрасова и “Как жить?” у А. Платонова» близость культурного и исторического контекста двух авторов. Если говорить о «вопрошающем» контексте Н.А. Некрасова, то значение имеет, что Н.Г. Чернышевский в 1863 г. спрашивает: «Что делать?» и отвечает – трудиться и не лгать. Ф.М. Достоевский в 1871–1872 гг. в «Бесах» отвечает, что если бесы обуревают, следует закрыть органы восприятия и остановиться. Гончаров в 1880-е гг. делает первую публикацию «Обломова», и это уже было вопрошание, кому жить хорошо: Штольцам или Обломовым. Салтыков-Щедрин в 1877 г. пишет «Современную идиллию», показывая, что хорошо жить приспособленцам и негодяям. В финале поэмы Н.А. Некрасова оказывается, что на Руси жить хорошо... будет. Когда-то.

Что касается контекста А.П. Платонова, то плодотворный для него 1929 г. – это время начала работы М.А. Булгакова над «Мастером и Маргаритой» и М.А. Шолохова над «Тихим Доном». Как жить? Умирая в творчестве и любви, либо умирая от непонимания происходящего. В кинематографическом контексте можно вспомнить Г. Александрова, создававшего фильмы с песнями и маршами, чтобы жить «весело и растрепанно». Из живописцев следует назвать Б.В. Иогансона с «Допросом коммуниста», А.А. Дейнеку с «Юными летчиками», и в особен-

Филос. науки / Russ. J. Philos. Sci. 2020. 63(5) Конференции, семинары, круглые столы
ности, П.Н. Филонова с его «Ударниками». Это нечто неживое, пустота, окаменелость лиц и тел. Как жить? А никак.

В чем ассоциация двух вопросов литературы? Это дискурс счастья. У авторов двух эпох и разных мировоззрений, но реальных знатоков русской жизни, выработался единый вывод. Счастье это не конкретное состояние, а лишь мыслимое трансцендентное бытие.

А.В. Макаркин в своем выступлении «Андрей Платонов и его современники в революции и после нее. От радикализма к умеренности» отметил сдержанность Платонова в описании кровавых последствий реализации советской утопии. По-видимому, по мнению выступавшего, писатель был искренне ею очарован, связывал ее с идеями науки, техники и прогресса. В ранние годы в Воронежской губернии он соприкасался в той или иной степени сразу с тремя радикальными политическими силами: большевиками, левыми эсерами и анархистами. Преодоление юношеских взглядов наложило отпечаток на творчество писателя. Он был кандидатом в члены РКПб, но в 1921 г. покинул партию. Однако не из протеста против военного коммунизма, а напротив – из-за разочарования НЭПом, недостаточной радикальностью и чистотой коммунистических взглядов товарищей, из-за их отказа от идеалов. Позже происходит серьезное переосмысление радикальных убеждений юности. Тема жизни, основанной на уничтожении буржуев, сменяется темой смерти. Утопия, которой А.П. Платонов следовал в юные годы, интерпретируется как нечто не жизнетворящее, а смертельное. Когда он пишет «Город градов» (это вторая половина 20-х гг.), нелепый Шмаков, мечтающий наказать природу, уже карикатура на собственный радикализм. Причиной эволюции стал даже не опыт голода, а опыт напрасных массовых жертв, гибели своих. Прекрасные планы оказались иллюзией.

С откликом «А. Платонов и базовые концепты российско-советской культуры: дискурс о народе и власти» на сообщение С.А. Никольского выступил **Г.Л. Тульчинский**. Как мыслящий писатель, А.П. Платонов уникален – осмысливается не обычный уклад, а фаза слома, полного разрушения привычного образа жизни человека, причем не на войне или в ситуации выживания (например, в тюремных лагерях), а в условиях насилия над человеческой природой путем реализации рациональных и привлекательных на вид идей. Тульчинский отметил, что

марксизм был в России воспринят специфически – как ответ на все вопросы. Наделенный чертами мифологии, он способствовал массовому террору. Герои А.П. Платонова – это жертвы и мертвые, они трансцендентны. Смерть рассматривается писателем как выход, потому что невозможно терпеть жизнь. Кроме того, смерть всех уравнивает, а большевики провозгласили именно последнее справедливое царство. В некотором смысле творчество А.П. Платонова можно назвать «советской книгой мертвых».

С.С. Неретина предложила взглянуть на А.П. Платонова как на автора «мысленного эксперимента». Текст писателя состоит одновременно из простой речи и из понятий советской философии. Каждая его работа – скорее поэтическое произведение, и поэтика прослеживается через напряжение слова как такового, как голый смысл. Так ищется точка начала, где нет ничего. Мысль «ведет» туда, куда мы еще не приходили, словно отшвартованный корабль. Писатель скорее всего был религиозен – его мышление порой напоминает апофатическую теологию. Цель пути – смерть. Используя многочисленные образы смерти, А.П. Платонов словно «опробует» в письме апокалипсис. Мысль идет к границе, за которой неизвестно, есть ли что-то. Мыслящим человеком движет «любопытство» из стыда к жизни, вопрос о праве придать смерти себя или другого, стремление проверить, есть ли смерть на самом деле, и что за полную окончательность она из себя представляет.

Подобным экспериментом писателю удастся показать, как псевдоидея может сдвинуть мир. Проект коммунизма был бумагой со словами, но «всего лишь буквы» странным образом согласовывались с жизнью. Коммунизм одновременно был и полнотой истории, и концом, т.е. пустотой. А человека, носителя этой одновременно полноты и пустоты, потребовалось переопределить заново. Его можно было переопределить как «начало механизма», как человека технического (здесь чувствуется влияние марксизма, для которого человек – это совокупность признаков, в т.ч. производственных). Но человек – это также нечто нечаянное и случившееся странным образом, нечто, получающее свое определение от ускользающей апофатической пустоты коммунизма. А.П. Платонов задает тот же вопрос, что и его современник М. Хайдеггер, – вопрос о соотношении бытия и мышления.

Е.П. Аристова в своем выступлении «Гуманизм после конца человечности: ренессансный мотив “Чевенгура” А.П. Платонова» обратилась к упомянутой С.С. Неретиной теме «мысленного эксперимента» и интерпретировала эту тему как противопоставление идеала и его воплощения, общего блага и конкретных предметов. Подобное противопоставление, берущее начало в философии Платона и Плотина, как она показала, свойственно ренессансным утопиям и роману «Чевенгур» как более позднему произведению в том же жанре. Интересы конкретного человека не удается уложить в гармонию всеобщего абстрактного блага. Кроме того, социум коммунистов, возникающий за одну ночь в бескрайней степи без путей и границ, уподобляется общине беглецов в «Декамероне» Боккаччо, возникшей близ охваченной чумой и смертью Флоренции. Постапокалиптический пейзаж отражает личный крах мечты, пережитый писателем, сменившим юношескую доверчивость к коммунизму как к грандиозной абстрактной идее на деятельную работу инженера, помогающего людям конкретным делом. Коммунистический социум «Чевенгура», как и общины ренессансных утопий, оказывается полем вопрошания о сути человеческой природы.

Т.Б. Любимова проявила свое отношение к догадкам С.С. Неретиной докладом «Эффект странности», где предложила взглянуть на А.П. Платонова как сам он «загадал» – как на «техника». В «Чевенгуре» он использует сюжет о настройке рояля Захаром Павловичем с особым «секретом». Вся жизнь для писателя словно изделие, искусная настройка. Его язык – первое, что бросается в глаза. Хотя наивным читателем он воспринимается вполне органично, без ощущения странности. Способ выражения в данном случае – тонко настроенное музыкальное изделие. Инженер Вермо в «Ювенильном море» играет аппассионату перед доярками – и это один из многочисленных намеков на присутствие музыки. Научиться так писать нельзя, и буквально понимать такую литературу нельзя.

«Ювенильное море» заканчивается вопросом старика о том, что случится, когда Вермо загонит свет в «провода», настанет ли мрак во вселенной. Речь идет о конце света в буквальном смысле. Текст напоминает кукольный театр, нечто неживое и пугающее. Язык словно все время нарушает меру вкуса, но не допускает пошлости и создает свою, особую, меру, сочетающую искренность с отрешенностью.

В.М. Розин в своем докладе «Дискурс Платонова как способ помыслить глубинную логику и ужас новой жизни» обращается к теме сочетания философствования и художественного творчества. С.С. Неретина объединяет философию и художественное творчество, хотя это совершенно разные области. Писатель, в отличие от философа или ученого, не обязан говорить непротиворечиво. Он может, мысля человека, создавать феномен, отличный от реально наблюдаемого. А.П. Платонов был философски и даже теологически мыслящим человеком, но прорабатывал соответствующие идеи именно как художник: сочетал несочетаемое, описывал несуществующее.

Дискурс А.П. Платонова – это художественное мышление посредством схем. Схемы позволяют разрешить проблемы автора и создать новую реальность. Построение схем не обязательно ставит себе целью познание. Дискурс С.С. Неретиной – построение концептов, а оно уже требует знания, соответствия предмету. Проработка идей посредством схем лишь приписывается Платонову. Зачастую схемы просто выделяют объект, но не строят его модель, по которой можно объект понять.

В.Н. Порус в своем докладе дал особую характеристику языку А.П. Платонова – это простой и точный язык, доводящий каждое слово до предела, до невозможности «спасения» от понимания смысла. Без такого языка нельзя было обойтись, его нужно было даже изобрести, потому что он «взламывает оболочки» слов и фраз, защищая читателя от лжи и фальши.

Литература позволяет себе показывать жизнь неестественно красивой или трогательной. Ф.М. Достоевский рисует слишком эмоциональную сцену, где проститутка и убийца читают Евангелие. А.П. Платонов идет по другому пути, подчеркивая отстранение, сдержанность. Тот, кто пишет, фиксирует, словно двойник живого человека, глядящий на мир без слез. Этот «евнух души» не сочувствует, у него иная задача – с его помощью можно сойти в ад (образ Чевенгура – это образ ада, населенного бесами), который человек описать не может, потому что ад подобен перевернутой вселенной, переворачиванию отношения сущности и существования. Так сливаются философское и творческое мышление, и так рождается новая философская антропология.

С ответом В.Н. Порусу выступила **И.И. Мюрберг** с докладом «О трудности комментирования Андрея Платонова», что в

иерархии смыслов «Чевенгура» марксизм и большевизм на втором плане. В первую очередь задана экзистенциальная тема пограничной ситуации: люди массово умирают, они брошены, нет даже политических злодеев, о прогрессе и результативности говорить сложно, поскольку герои постоянно оказываются на пороге смерти.

Попытка Л.Н. Толстого выстроить экзистенциальный дискурс в литературе XIX в. была противоречивой: его творчество сочетало экзистенциальные и просвещенческие мотивы. Ф.М. Достоевский намеренно рисовал пограничную ситуацию, способную много рассказать о человеке, но ограничивался лишь ее влиянием на отдельную личность. А.П. Платонов анализирует уже культурно-исторический слой людей, нечто такое, во что человек оказывается «ввергнут» (роман «Чевенгур», к примеру, был написан между двумя периодами массового голода), меняя свою сущность. Впрочем, А.П. Платонов замечает, что и в результате всех изменений люди сохраняют подобие свободной воли и желание любви и помощи ближнему.

Н.А. Касавина продолжила тему пограничных ситуаций в докладе «О пределах пограничной ситуации на примере повести А. Платонова “Джан”», в которой писатель особым образом подает непотаенными личные переживания человека, его приниженность в тоталитарном мире. Герои экзистируют, переживают самобытие, что прочитывается в изложении их мыслей, описаниях природы и обстановки, насыщенных образами смерти, покинутости, отчуждения. Глубинной сокровенной сутью человека при этом показывается сердце, которое часто персонифицируется, вступает в отношения с героем как особый субъект.

В концепции К. Ясперса пограничные ситуации описаны как нечто способствующее прорыву к подлинному бытию, нечто обостряющее восприятие уникальности повседневности. Но у А.П. Платонова повседневность и есть пограничная ситуация (яркий пример – жизнь народа Джан), нет ощущения коротких вспышек света или озарения, наоборот, вялотекущий процесс подавления всех жизненных проявлений. Если для Ясперса большое значение имела пограничная ситуация борьбы (за жизнь, пространство, духовные ценности), то у Платонова на первый план выходит ситуация пути, лежащая в основе надежды.

Н.Н. Мурзин, откликаясь на выступление В.Н. Поруса, в докладе «Вот в чем загвоздка, или выход из мухоловки: русский опыт ада», затрагивает тему парадоксального отношения искусства к социальному катаклизму. В результате бедствий словно рождается новый человек, способный на творческую работу, на которую прежний человек был неспособен. Это нечто среднее между марксизмом и провиденциализмом: в результате несчастья мы получаем художника как своеобразный продукт, достигнутую цель.

Реализм, т.е. правдивость в искусстве – это и эстетическое, и моральное требование. Моральный долг художника – говорить без уловок и красот. С другой стороны, давно ведется спор о способности искусства к выражению истины. Платон в «Государстве» характеризовал искусство скорее негативно, не как то, что следует истинному, мысленному миру, но как то, что создает копии чувственного мира, то есть подражания подражанию, бесконечную ложь. Весьма вероятно, что художник вовсе не отстраненный правдивый наблюдатель, а некто, способный испытывать специфическую вдохновенную противоречивую радость от переживания катаклизма.

Конференция показала актуальность и современность сочинений А.П. Платонова: исследователи, работающие в различных направлениях научной деятельности, охотно обращаются к наследию писателя. Уникальный язык, созданный А.П. Платоновым, – это способ выражения философской мысли.